

На фоне этих тектонических сдвигов расстрел в московской школе, произошедший одновременно и с Украиной, и с Олимпиадой, потерялся, почти что растворился. Не будь Украины и ее беды, не будь Олимпиады и ее успеха – мальчик Сережа Гордеев, с винтовкой и карабином пришедший в родную школу и взявший в заложники своих одноклассников, а попутно застреливший учителя и полицейского, еще долго не сходил бы с новостных таблоидов. Потом к делу подключились бы журналисты посерьезней, социологи, психологи, публицисты, аналитики – глядишь, постепенно общество хотя бы осознало, назвало настоящие истоки, причины, мотивы происшедшего. Хотя бы поставило диагноз болезни, что всегда очень

важно.

Но – не повезло. Золото Олимпиады и кровь Украины (и то, и другое касалось и касается миллионов живых людей) объяснимо и закономерно перекрыли это маленькое, частное, единичное событие. Я хочу хотя бы попытаться исправить отчасти, в малой части, это досадное положение.

Да, событие это, к счастью, пока действительно единичное. Но оно не частное и не маленькое. Оно касается всех и каждого в нашем обществе. Ведь общество должно знать, хотя бы предполагать, кто следующий возьмет в руки винтовку или карабин, или и то и другое разом.

Так в чем же причины?

Виновник

Сам виновник объясняет свои мотивы достаточно сбивчиво и путано, и эту путанность можно понять.

«Я не хотел никого убивать, я хотел умереть. Мне интересно было узнать, а что будет после? Что там - после смерти? Еще я хотел посмотреть, как люди будут реагировать на то, что я делаю. Я пришел убить себя. С Андреем Николаевичем (убитым учителем) у меня не было конфликтов - наоборот, у нас были хорошие отношения. Когда он на меня пошел, я в него выстрелил. Даже не знаю, почему, может, потому, что никто бы не поверил, что я могу выстрелить?..» «Я в

***сердце своем раскаялся,
потому что причинил людям
много горя. Но перед Богом я
каяться не буду, я в Него не
верю...»*** (Цитаты из газеты
«Взгляд».)

В этом сбивчивом и не очень логичном монологе проглядывают, на мой взгляд, два высказываемых мотива. Один неправдоподобный, а другой – вполне правдоподобный, а скорее всего – настоящий.

Самое неправдоподобное здесь – что он пришел умереть и узнать, что будет после смерти. Для того, чтобы умереть, никуда из дома выходить не надо было. Достал отцовский карабин, приставил к голове, взвел курок, нажал курок – и вот цель достигнута, и ты с удивлением обнаруживаешь, что после смерти всё совсем не так, как

тебе рассказывали (ведь тебе в школе наверняка рассказывали, что после смерти **ничего нет!**). Это Бог говорит всем нам, что после смерти начинается совсем иная жизнь – но ведь ты говоришь, что в Бога не веришь?

Нет, не так кончают жизнь настоящие самоубийцы. Не идут на публику, вооружившись аж двумя стволами (второй ствол, вероятно, для того, чтобы сделать контрольный выстрел в себя после первого выстрела в себя же?). Это, конечно, Сергеем придумано на ходу, интуитивно, с одной понятной у мальчишки целью – вызвать жалость к себе теперь, после того, как постепенно осознал, что натворил...

А вот второй мотив – очень серьезный: никто не верит, что я

могу выстрелить? Так **я вам докажу!** Всем докажу! И тебе, Таня (Маша), которая отвергла когда-то однажды мои знаки внимания; и тебе, Гриша (Ахмет), который надо мной вечно посмеивался; и тебе, мой любимый Андрей Николаевич – ведь ты так бесстрашно идешь на меня и тянешь руку к винтовке, **не веря**, что я смогу нажать на курок?! А я смогу!.. Смог!..

Не надо быть психологом, чтобы понять: подростковое желание самоутверждения в человеческом обществе было **главным психологическим мотивом** того, что произошло в московской школе. (Взрослые и серьезные ныне мужчины! Вспомните себя подростками. Вспомните, что мог вытворить любой из нас в этом возрасте именно из жажды

самоутверждения, к тому же не имея в нашем детстве настоящих нравственных ориентиров!..) Оттого и пошел Сережа в школу, в свой класс, во время занятий, что принял главное в жизни решение – самоутвердиться в этом мире раз и навсегда.

Знал ли он, чем дело кончится? Нет, конечно. Возможно, всё рисовалось ему совсем не так, как произошло, даже скорее всего не так. Возможно, он и допускал, что убьет не он, а убьют его, например, в перестрелке. Ну и что? **На миру и смерть красна!** Значит, все равно он погибнет героем, доказав и показав всем решительность своего характера и силу своей воли! И в этом смысле его родной класс нужен был ему именно как зрительская аудитория, как общество, как тот самый мир, на

котором красна смерть. Я даже допускаю, что если бы класс по каким-то причинам распустили раньше, и одноклассников не было в этот момент в школе – могло бы ничего не быть. Зрители были нужны ему прежде всего!

Мне также кажется, что **стрелять** и **убивать** для подростка не было в эту минуту логически жестко связанными понятиями. Это потом, позже он обнаружил и прожил, что стрелять – это почти всегда убивать. А **убивать** – это когда человек не вскакивает опять в следующей жизни и на следующем уровне игры, а просто лежит мертвый весь в крови. И он уже больше **никогда** не будет живой...

Школа

В школе у будущего убийцы никаких особенных конфликтов не наблюдалось. С Андреем Николаевичем (географом) были прекрасные отношения, с остальными учителями – тоже. И вообще, человек шел на золотую медаль! А это, как мы все понимаем, не какой-то там заурядный «ботан» с пятерки на четверку. Золотой медалист – это особая каста, это избранные. Оттого-то у Сергея порой текли слезы даже из-за пятерки с минусом, не то что из-за двойки, как у всех нормальных людей.

Впрочем, сказать, что у него не было в школе никаких проблем – тоже не получается. Видимо, были и насмешки, и подначивания. Возможно, кто-то другой что-то бы не заметил, а что-то забыл, но Сергей, похоже, не забывал ничего.

И своих слез после пятерки с минусом, и чью-нибудь кривую усмешку на эти слезы – тоже. Но это были неудобства и конфликты неявные, латентные. Потому расправиться с кем-то из одноклассников у него желания не возникло.

Был, правда, один публичный конфликт интеллектуального плана. А точнее – спор нравственного содержания. С учительницей литературы. И он даже попросил (когда его уже обезвредили), чтобы учительницу привели к нему. И сказал ей, что шел именно к ней, чтобы доказать ей, что никакого добра в мире нет, и что в их споре прав он, а она не права...Интересно только, каким способом он собирался ей это доказывать, имея в руках карабин и винтовку? Убить себя на ее глазах?

Или?..

(Ох уж эти учителя литературы, особенно – русской! Школа, государство, да и всё наше общество, занятые **более важными** делами и вещами, на эти хрупкие женские плечи скинули самую главную миссию любого образования. Да что там самую главную – единственно важную: научить человека **быть человеком!** Иначе говоря – придать ему человеческий **образ.**)

И вот учительница литературы месяцами спорит со своим учеником. Она говорит, что в мире есть добро и любовь. А он говорит, что ни добра, ни любви в мире нет. Она говорит, что русская литература писала правду. Он говорит, что писатели всё выдумывают, и ничего хорошего в

жизни не бывает.

Спор их, в сущности, бесперспективен: спорят люди, стоящие на противоположных жизненных позициях. Один убежден, что в мире есть любовь, добро, самопожертвование, сострадание. Другой убежден (или, по крайней мере, утверждает), что в мире работают волчьи законы, и что прав только тот, кто силен.

А что же остальные учителя? А они **идеологии** не касаются! Мало того, у нас **идеология** государством запрещена! Поэтому математик учит математике, физик – физике, «англичанка» – языку. А все вместе готовят к ЕГЭ. За отличные результаты твоего ученика по ЕГЭ ты получаешь большие, даже огромные, премии (нашли-таки, как **внедрить**, то есть – ввести в самые

недра...).

Я почти уверен, что все они (учителя) – нормальные, даже хорошие люди. Уверен, что в рамках своих занятий они учили не плохому. Наоборот – они, конечно же, учили хорошему. И говорю это без малейшей иронии.

Но вот это глобальное устранение школы из сферы нравственного образования и воспитания («мы люди свободные, идеологией не занимаемся, нам результат подавай!») – **одно из самых больших преступлений перед нашими детьми** взрослых дядей и тетей. В лучшем случае – взрослых дураков и дур, в худшем – подлецов, врагов и сознательных разрушителей нашего Отечества.

Кстати, говорящая деталь:

«Представитель главка (по делам несовершеннолетних ГУ МВД) отметил, что мальчик из благополучной семьи. По словам Павличука, подросток не состоял на учете в подразделении по делам несовершеннолетних» – говорят СМИ.

Вот оно, наше взрослое отношение к детям: если парень не состоит на учете в полиции (то есть если он не пьяница, не наркоман, не хулиган, не вор) – то это **благополучная** семья. А что у него внутри? Но ведь мы идеологией не занимаемся...

Веками лучшие люди человечества учили, что нравственное воспитание – основа любого образования. И веками против этого восставали те, кому надо было разрушать общество и государство, в которых они, по недоразумению,

жили. Вот мысли великого подвижника XIX века, святителя Иннокентия Московского, просветителя Америки и Сибири:

«...В народе, остающемся без нравственного учения, так или иначе, но разврат и нравственная грубость увеличиваются более и более, а с ними и преступления; и если кое-где и являются грамотеи и кажется, что менее виден разврат, то это не есть еще просвещение, а только утонченность; а грамотность без нравственности служит более ко вреду, нежели к пользе...

Измерение просвещения народного числом грамотеев, кажется, очень может быть ошибочно, потому что

грамотность без нравственности у народа есть то же, что нож у своевольного ребенка (ну, просто ведь не в бровь, а в глаз! – В.М.). **Кто большею частью причиною разных возмущений, бунтов, революций, расколов?**

Безнравственные грамотеи. И следовательно, кто опаснее для спокойствия Отечества? Безнравственные грамотеи...»

А вы думали, что ваши спущенные из вашингтонов волчьи педагогики – действительно новое слово? Было уже всё, было. Давно применялось для разрушения обществ, основанных на нравственности и **человеческом** отношении человека к человеку. Это просто вы не знаете истории, и потому вас так легко обмануть, вами так легко манипулировать.

Поэтому школа никак не может снять с себя часть вины за то, что случилось. Да, субъективно все вы порядочные и незлые люди. Но вы приняли и транслируете своим ученикам (за отдельными исключениями, очевидно) абсолютно бесчеловечный принцип: главное – результат. Не человеческая душа главное (да и есть ли она вообще!), не ее боль, радость, спасение в Царстве Небесном – а успех и карьерный рост. Вы так в это поверили, что начали забывать, что все мы прежде всего – люди, а уж потом – субъекты и объекты социальной конкуренции. Вы учили и учите своих учеников **добиваться результата**. Всегда и несмотря ни на что. Любыми способами.

И каков результат?

Семья

Во всей этой истории самое загадочное, самое таинственное – это семья. Семья Гордеевых.

Кто они, что они? А прежде всего – **где они?** Ну, то, что не отвечают на звонки журналистов – это понятно. С журналистами нынче разговаривать опасно, тем более – в подобной ситуации, когда не то что слово, а каждый твой взгляд будет истолкован в какую-то сторону. Но вот проходит первое заседание суда, решается вопрос о мере пресечения для их сына (который, кстати, вполне по-детски просит отпустить его к маме с папой!) – а мамы с папой нет. Не пришли.

Но почему?

«Им стыдно за то, что совершил их

сын», – подсказывают публике психологи. А адвокаты разъясняют: «В дальнейшем, когда... будет решаться вопрос о его дальнейшей судьбе, родители уже выйдут из нынешнего состояния (шока) и смогут адекватно защищать права своего ребенка. На сегодняшний день никто еще не ставил вопрос о лишении их родительских прав...»

Ну, с юридической точки зрения мир вообще своеобразен: теперь родителям надо защищать права своего ребенка. Какие права? Право на защиту? Так оно и так есть. У нас права правонарушителей и преступников прежде всего соблюдаются и защищаются. Или право на то, чтобы избежать наказания?

Руководитель Центра правовой и психологической помощи в

экстремальных ситуациях Михаил Виноградов говорит:

«...в этой семье и раньше все было совсем не в порядке. Мальчик и сам об этом рассказывал, когда стрелял. У него в детстве был приступ психического расстройства. Он лечился и, может быть, даже наблюдался у психиатра частным образом. И то, что отец хотел отдать его в секцию самбо, чтобы он стал похожим на других, тоже говорит о многом. Это был стеснительный, замкнутый, малообщительный молодой человек, от ребят держался в стороне. Родители, естественно, это видели. И отец брал его с собой на стрельбу или на охоту, старался воспитать в нем

какие-то более решительные черты характера...»

Выходит, семья эта не такая уж благополучная. Но вот удивительная деталь: мальчик **рассказывал об этом, когда стрелял**. Понимаете? Видите картину? Стреляет в учителя и в полицейских, а сам рассказывает. О чем? О том, как его никто не любит и не понимает в семье. Кому рассказывает? Своим одноклассникам. Да и они бы тоже в обычное время его не стали слушать (наверное, так не раз и бывало), но теперь, когда у него два ствола в руках и он стреляет в людей – они слушают. Не могут не слушать...

Отцу-Гордееву в личном мужестве не откажешь: он приехал и сначала пятнадцать минут уговаривал сына

из коридора. Потом вошел в класс и еще полчаса уговаривал его глаза в глаза, убеждал, пока тот наконец не отдал ему оружие. Но в чем убеждал? По свидетельству очевидцев (видимо, одноклассников), убеждал в том, что *любит его*.

Понимаете ли вы этот абсурд? Для того, чтобы услышать от родного отца, что он тебя любит, приходится взять в руки оружие и начать убивать ни в чем не повинных людей! Получается, что иначе этих слов от отца нельзя было услышать?..

Из разрозненных и отрывочных сведений постепенно вырисовывается общая картина, портрет семьи. Вот она, эта семья. Отец – мужественный человек, настоящий мужчина, мужик. Ценит

силу и в других, и в себе. Любит оружие, имеет несколько единиц огнестрела, любит охоту, стрельбы в тире. То ли работник силовых структур, то ли нет (журналисты так и не дознались, или им не дали дознаться) – но это как раз неважно.

Хочет, чтобы и единственный сын вырос таким же мужественным и решительным, как его отец, а то – хлюпик какой-то, стеснительный, замкнутый... Делает для воспитания сына **всё что может**.

Мать. Мама. По слухам, опять же, деловая женщина, бизнес-вумен. Она тоже любит сына, кто же сомневается. И хочет, чтобы он достиг в этой жизни настоящего успеха. А для этого надо работать, не жалея себя и других. Как она работает. Хочет, чтобы

единственный сын был по-настоящему успешным, потому что успех и есть счастье. А успех закладывается еще в школе: золотая медаль, любой вуз на выбор, настоящая карьера... Делает для этого **всё что может**.

Я почти согласен с представителем главка: благополучная семья, хорошие родители. Но почему же такой неудачный результат? Может быть, это слабое существо, их сын, просто оказался недостоин тех высоких задач, которые на него возлагались? Может, им просто с ним **не повезло?**..

Если всерьез

***Мы все глядим в Наполеоны.
Двуногих тварей миллионы -
Для нас орудие одно...***

Это Александр Сергеевич Пушкин.
Первая треть XIX века.

Так что страшная болезнь семьи Гордеевых (какая говорящая фамилия!) началась не сегодня и даже не вчера. Но это не снимает ответственности за происшедшее ни с кого.

Ни с несчастного мальчика, на которого взвалили неподъемную ношу и который в результате поверил, что кулаком или пулей можно решить все проблемы.

Ни со школы, которая занята новыми технологиями и достижениями результата и потому всякие разговоры о душе не приветствует.

Ни с папы и мамы, которые упрямо и тупо лепили свое подобие, не замечая, что в их руках не

податливая глина, а хрупкое стекло, и надо бы быть поосторожней, чтобы не разбить. Которые, наверное, покупали ему всё, что нужно, но не догадались убедить его в том, что любят его (если правда любили). Которые говорили, что надо быть успешным, но, видимо, не сказали ни разу, что есть Бог, и все люди – одинаково Его дети, а потому нельзя не то что убивать человека, а просто причинять ему боль.

Увы, приходится признать: они правильно сейчас прячутся ото всех. Потому что настоящие преступники – они, а не он. Это их надо судить. И в нормальном человеческом обществе судили бы именно их, сломавших судьбу своему ребенку.

Нет, я не о каких-то там лагерных

сроках для них говорю. Я говорю о гражданской казни. Когда их (или им подобных) выводят на площадь перед народом и объявляют: «Эти люди погубили душу своего сына. Они не дали ему никаких человеческих понятий, не научили любви и вере. Они относились к нему не как к живому человеку, врученному им на временное хранение Творцом, а как к неодушевленной вещи, из которой они могут делать всё, что считают нужным. Позор им за это преступление против живой души своего ребенка!..»

Но и нам всем нечего строить из себя праведников, уповая на то, что в нашей семье такого **не может** случиться.

Разве мы не верим, что кулаком и пулей можно решить все проблемы

в мире?

Разве мы не считаем, что новые технологии гораздо важнее какой-то там души?

Разве не убеждены, что

достигнутая цель оправдывает любые средства?

Разве не относимся к своим детям как к собственности, как к глине, из которой можно слепить что угодно?

И уж совсем честно: разве не орудие для нас эти миллионы

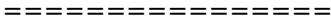
двуногих тварей?

«Нет в нас любви, Алеша», – говорил когда-то брату, страдая, Митя Карамазов.

Но почему ее в нас нет?

Потому что мы не хотим знать ее источника. А источник любви – Бог... Но мы же такие умные...

Такие самостоятельные... Такие сильные и успешные... До первого остерегающего удара по нашей непомерной гордости.

Что будет дальше с семьей Гордеевых? Конечно, хотелось бы, чтобы это страшное испытание повернуло души этих людей к Богу. Но сбудется ли?

Очень хочется, чтобы стыд, который они сейчас испытывают (если испытывают, конечно), превратился сначала в раскаяние, а потом и в **покаяние**. Превратится ли?

И очень хочется, чтобы судьба их бедного сына сложилась, в результате, по-человечески. То есть не **успешно любой ценой**, а с честной и прямой ответственностью за каждый поступок.

Помоги ему Господь.

